

Соб. кулуара, 1984, 12 мая,
№ 54.

ИЛЬИНСКИЙ СТАВИТ ОСТРОВСКОГО

Под игривую, маршеобразную музыку вращается перед нами панорама старой Москвы — золотятся маковки бесчисленных церквей и колоколен, узнаются знакомые очертания дома Пашкова, Манежа, Большого театра. А вон виднеется и Малый театр, где мы присутствуем сейчас на премьере комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Мимо этой панорамы шагает молодой человек, который посматривает на город с явным намерением завоевать его.

Чем же собирается завоевать Москву, обратить на себя внимание Егор Дмитриевич Глумов — умный, злой и завистливый, как он сам себя аттестует, молодой человек?

Вот здесь, сейчас, на наших глазах, Глумов решил отказаться от идеалов и светлых мечтаний своей молодости, он решил не бороться с существующим порядком, а приспособиться к нему. Грубой, беспардонной лестью подделаться к московским тузам, найти у них покровительство и сделать блестящую карьеру.

Постановщик спектакля И. Ильинский и исполнитель роли Глумова В. Коршунов демонстрируют нам не законченного негодяя, а именно процесс превращения умного, благородного бедняка в расчетливого циника, лицемера. Глумов Коршунова и лицемеря остается самим собой, прекрасно понимая собственную подлость. Он хотел бы одновременно делать карьеру и оставаться честным обличителем в душе, но это невозможно. На наших глазах душа его мертвеет.

Спектакль сурово судит его за отступничество от самого себя, предательство своих принципов, измену прошлому.

Когда в финале разоблаченный Глумов изливает на своих недавних благодетелей всю свою желчь и всю досаду, зал взрывается бурными аплодисментами. Но аплодирует он не «герою», только и мечтающему вернуться обратно, а гениальному автору, с болью и гневом сказавшему в лицо обществу беспощадную и горькую правду о нем.

«На всякого мудреца довольно простоты» — едва ли не самая острая, сатиричная, самая «щедринская» из комедий Островского — прочно принадлежит своему времени, пореформенной эпохе 60-х годов прошлого столетия, со всей бытовой и исторической конкретностью воспроизведенной драматургом. Именно так, конкретно-исторически прочитывает пьесу И. Ильинский, имеющий огромный опыт сценического воплощения Островского.

Один из самых первых блистательных актерских успехов двадцатилетнего Ильинского связан с выступлением в роли Тихона в спектакле Московского драматического театра «Гроза», поставленном В. Сахновским.

Затем был триумф в нашумевшем мейерхольдовском «Лесе», где нищий провинциальный актер Аркашка Счастливец фантазией режиссера и ярким комедийным талантом актера превратился в гаера и шута, обрушивающего на зал целый водопад изобретательных трюков. Но это был герой вне определенного времени.

Дальнейший путь освоения Островского Ильинским — актером и режиссером — настойчивое возвращение к авторскому замыслу, к историзму. Это можно проследить на примере того же Аркашки, к которому Ильинский обращался трижды на разных этапах своей жизни в поисках органичного соединения комедийности и драматизма, безусловной правды чувств и времени с яркой театральностью, которую он всегда ощущал и стремился выявить в Островском.

Этот синтез достигался Ильинским в постановке «Леса» в Малом театре в 1974 году, которая воспринималась как гимн русскому театру и его верным рыцарям — актерам, он звучит проникновенно и силь-

но и в нынешнем решении «На всякого мудреца довольно простоты».

Этот замысел верно почувствовал и выразил художник С. Бархин. Он не только воспроизводит в своих декорациях определенную эпоху, но и делает очень выразительные театральные акценты. Иронична, особенно в сочетании с сопровождающей ее музыкой Э. Мунтаниола, вращающаяся панорама Москвы, мимо которой с каждым разом все победоноснее шагает Глумов. Резок контраст ампириных покоев Мамаевых и скромной, бедной квартирки, откуда стремится вырваться Глумов.

В этих декорациях, как у себя дома, живут и действуют герои спектакля — те московские тузы, которых решил завоевать Глумов.

Очень органичен в роли Мамаева Н. Анненков. Актер вместе с режиссурой нашел множество точных красок, тонов и полутонов для характеристики этого самодовольного богатого барина, видящего свое жизненное предназначение в том, чтобы поучать, давать советы всем вокруг. Его хлебом не корми, только дай прочитывать кому-нибудь наставление. Он и на реформу зол больше всего за то, что она освободила его подданных от обязанности выслушивать его поучения.

У восторженного, порхающего по жизни говоруна Городулина, с комедийной непосредственностью обрисованного А. Тороповым, другая страсть — произносить трескучие, с либеральным оттенком речи. Любое дело, идею он способен потопить в целом море слов. Беда только, что ума маловато, да и думать решительно некогда. И открыв рот, как завороченный, слушает он излияния Глумова, не догадываясь даже, что тот внутренне издевается над ним.

В кабинет отставного генерала Крутицкого Глумов входит церемониальным маршем, а уходит, напевая «Солдатушки, бравы ребятушки», — и сердце старого генерала тает от его подобиюстрастия. И. Ильинский мастерски лепит фигуру убежденного реакционера, врага любых реформ вообще, солдафона, упивающегося откровенной лестью Глумова. Впервые актер сыграл Крутицкого еще сорок лет назад, достигнув полного перевоплощения. Нынешний Крутицкий многое видит, понимает, и потому он стал опаснее и страшнее. Больше акцентирует теперь Ильинский прошлое генерала, например, когда тот по старой памяти пытается «идти на приступ» своей бывшей пассии, а ныне впавшей в ханжество Турусиной — В. Евстратовой.

С комедийным темпераментом играет Т. Еремеева светскую львицу Клеопатру Львовну Мамаеву. В отличие от Турусиной эта сангвиническая барыня представляет собой «крепость», которая страстно желает, чтобы ее «брали», особенно такие красавчики, как Глумов. Она томно воркует, кокетливо завлекает, великодушно поощряет. С какой точной интонацией произносит актриса коронную фразу Мамаевой: «Так давайте его любить вместе».

Особенность спектакля — любовь и внимание к слову Островского. Известно, что сам драматург в театре больше любил слушать, чем смотреть свои пьесы. Замечательную традицию Малого театра продолжают в спектакле Ильинский, Анненков, Еремеева, Коршунов, С. Фадеева, сочно играющая мать Глумова, на все способную ради своего сына.

Как ни модно и ни заманчиво это, Ильинский и его режиссер В. Мартенс не пытались стилизовать Островского под Гоголя или Щедрина, а стремились к тому, чтобы Островский оставался таким собой, со своим неповторимым обаянием, манерой письма, со своим отношением к человеческим слабостям и порокам.

Г. ХАЙЧЕНКО,
доктор искусствоведения.